

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ЕЩЕ РАЗ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПО РОССИЙСКОМУ ПРАВУ РЕШЕНИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО КОММЕРЧЕСКОГО АРБИТРАЖА И ВНУТРИНАЦИОНАЛЬНЫХ ТРЕТЕЙСКИХ РЕШЕНИЙ

*Муранов А.И.**

В третьем номере “Московского журнала международного права” за 2001 г. была опубликована статья “Признание или приведение в исполнение решения международного коммерческого арбитража: обязательность такого решения, вступление его в силу и некоторые неясные моменты процедуры, в том числе в соотношении с вопросом об отмене решения. Некоторые параллели с внутринациональными третейскими решениями”, в которой вопрос об обязательности решений третейских судов (включая международный коммерческий арбитраж) кратко уже был рассмотрен¹. Тем не менее, этот вопрос заслуживает большего внимания, и, кроме того, некоторые моменты, указанные в только что упомянутой статье, во избежание их превратного понимания требуют определенных пояснений.

1. Как уже говорилось в указанной статье², российское законодательство признает качество обязательности за решениями международного коммерческого арбитража (вынесенными как в России, так и за границей), а также за иностранными третейскими решениями (на кото-

* Муранов Александр Игоревич – к.ю.н., доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО (У) МИД России, адвокатская фирма “Монастырский, Зюба, Семенов & Партнёры” (www.muranov.ru).

¹ В этой статье и в настоящей работе не рассматриваются решения третейских судов, действующих в соответствии с Приложением № 3 “Положение о третейском суде” к ГПК РСФСР.

² Московский журнал международного права, 2001, № 3. С. 71, 77.

рые распространяется Нью-Йоркская конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений от 29 декабря 1958 г.³): об этом прямо сказано в пункте 1 статьи 35 Закона РФ от 7 июля 1993 г. № 5338-1 “О международном коммерческом арбитраже”⁴, а также в статье III Нью-Йоркской конвенции⁵.

Однако такую обязательность ни в коем случае не следует отождествлять с обязательностью решений государственных судов, о которой говорится, например, в пункте 1 статьи 6 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ “О судебной системе Российской Федерации”⁶: “*Вступившие в законную силу постановления федеральных судов, мировых судей и судов субъектов Российской Федерации, а также их законные распоряжения, требования, поручения, вызовы и другие обращения являются обязательными для всех без исключения органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений, должностных лиц, других физических и юридических лиц и подлежат неукоснительному исполнению на всей территории Российской Федерации*”. Как уже упоминалось в указанной статье⁷, если вступившим в силу и имеющим обязательность решениям государственных судов сразу присуще такое

³ Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1960, № 46, ст. 421. Подписана представителем СССР в Нью-Йорке 29 декабря 1958 г. Вступила в силу 7 июня 1959 г. Ратифицирована Президиумом Верховного Совета СССР 10 августа 1960 г. Для СССР вступила в силу 22 ноября 1960 г.

⁴ “1. Арбитражное решение, независимо от того, в какой стране оно было вынесено, признается обязательным и при подаче в компетентный суд письменного ходатайства приводится в исполнение с учетом положений настоящей статьи и статьи 36” (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1993, № 32, ст. 1240 (Подчеркнуто мною. – М.А.)).

Укажем особо, что в настоящей статье выдержки из нормативных актов и судебных решений приводятся по текстам, содержащимся в электронных справочных правовых системах “Гарант” и “КонсультантПлюс”.

⁵ “Каждое Договаривающееся Государство признает арбитражные решения как обязательные и приводит их в исполнение в соответствии с процессуальными нормами той территории, где испрашивается признание и приведение в исполнение этих решений, на условиях, изложенных в нижеследующих статьях. К признанию и приведению в исполнение арбитражных решений, к которым применяется настоящая Конвенция, не должны применяться существенно более обременительные условия или более высокие пошлины или сборы, чем те, которые существуют для признания и приведения в исполнение внутренних решений” (Подчеркнуто мною. – М.А.).

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 1, ст. 1.

⁷ Московский журнал международного права, 2001, № 3. С. 79.

свойство, как исполнимость (то есть возможность требовать их принудительной реализации), то решения международного коммерческого арбитража и иностранных третейских судов такого свойства изначально не имеют, хотя и признаются обязательными. Решение международного коммерческого арбитража или иностранного третейского суда может начать обладать этим свойством только после того, как государственный суд своим актом удовлетворит ходатайство о признании или приведении в исполнение такого решения, и данный судебный акт вступит в силу.

1.1. Применительно к качеству обязательности решений международного коммерческого арбитража и иностранных третейских судов необходимо упомянуть еще об одном моменте.

Решения государственных судов равны в плане обязательности нормативным актам⁸. При этом речь должна идти не только о лицах, в отношении которых государственными судами вынесены решения: конечные выводы последних, изложенные в резолютивной части, обязательны и для всех прочих лиц. Другое дело, что любое лицо, не участвовавшее в деле, вправе обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов, если считает, что обязательное решение государственного суда их нарушает, и может требовать вынесения отдельного решения в целях создания для себя изъятий из режима обязательности первоначального решения, подобно тому, как из действия нормативных актов могут создаваться определенные исключения для конкретных лиц⁹.

⁸ Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации (редакционная коллегия: Яковлев В.Ф. (Председатель Высшего Арбитражного Суда РФ); Юков М.К. (первый заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ); Похмелкин В.В. (заместитель Председателя Комитета по законодательству и судебноп-правовой реформе Государственной Думы)). – М.: Юридическая фирма “Контракт”, 1995. С. 32.

⁹ Именно этим объясняется смысл пункта 3 статьи 16 проекта нового Арбитражного процессуального кодекса РФ (*“Обязательность судебных актов не лишает лиц, не участвовавших в деле, возможности обратиться в арбитражный суд за защитой нарушенных этими актами их прав и законных интересов”*). Этот проект внесен на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания России Высшим Арбитражным Судом РФ, а Постановлением Государственной Думы от 11 апреля 2001 г. № 1345-III ГД он был принят в первом чтении (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 17, ст. 1656). Хотя текст этого проекта на момент написания настоящей работы и не опубликован, с ним можно ознакомиться в электронной справочной правовой системе “Гарант”.

С решениями международного коммерческого арбитража и иностранных третейских судов дело обстоит иначе. В плане обязательности они должны быть приравнены не к нормативным актам, а к договорам. Ввиду этого такие решения обладают обязательностью, в строгом смысле этого слова, для тех лиц, в отношении которых они вынесены на основании заключенных данными лицами арбитражных (третейских) соглашений. Можно утверждать, что субъекты правового оборота, заключая такие арбитражные (третейские) соглашения, должны считаться связанными не только договорными обязательствами из этих соглашений, но и квазидоговорными обязательствами из последующих решений, выносимых на основании данных соглашений. Соответственно, в данном случае по аналогии может быть применен пункт 3 статьи 308 ГК РФ (*“Обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон (для третьих лиц).*

В случаях, предусмотренных законом, иными правовыми актами или соглашением сторон, обязательство может создавать для третьих лиц права в отношении одной или обеих сторон обязательства”).

Тем не менее, учитывая такие провозглашенные в статье 1 принципы гражданского законодательства, как равенство участников гражданско-правовых отношений, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, а также необходимость беспрепятственного осуществления гражданских прав, нельзя не прийти к выводу, что решения международного коммерческого арбитража и иностранных третейских судов все же обладают определенной обязательной силой также и для всех прочих государственных и частных лиц, но только в том плане, что последние, неся обязанности соблюдать указанные принципы, не могут не признавать наличие таких решений. Кроме того, эти прочие лица также не могут требовать от лиц, в отношении которых вынесены рассматриваемые решения, игнорирования последних, не могут вмешиваться в частные дела этих лиц в связи с такими решениями, не могут препятствовать осуществлению гражданских прав из них. Упрощенно говоря, ситуация является точно такой же, как если бы субъекты гражданского оборота в ходе урегулирования своего спора вместо обращения к третейскому разбирательству заключили бы между собой договор на тех же условиях, которые были бы зафиксированы в решении третейского суда¹⁰.

¹⁰ Именно этим объясняется смысл части 3 статьи 26 Временного положения о третейском суде для разрешения экономических споров (утвержденного Постановлением

Соответственно, решения государственных судов обладают обязательностью, которая в силу закона проистекает из них самих, обязательностью первичной, изначальной и самодостаточной. Решения же международного коммерческого арбитража и иностранных третейских судов обладают обязательностью вторичной, последующей и производной от гражданско-правового статуса лиц, в отношении которых они вынесены, а также от гражданских прав и обязанностей таких лиц.

2. Далее, в предшествующей статье, опубликованной в третьем номере “Московского журнала международного права” за 2001 г., было указано¹¹, что при сопоставлении Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже” с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 июня 1988 г. № 9131-ХІ “О признании и исполнении в СССР решений иностранных судов и арбитражей”¹² и Временным положением о третейском суде для разрешения экономических споров (утвержденным Постановлением Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1) наблюдаются серьезные отличия в методологических подходах к ответу на вопрос об обязательности решений третейских судов: два последних нормативных акта не рассматривают третейские решения в качестве обязательных, а из их положений вытекает, что такие решения обретают качество обязательности только после рассмотрения государственным судом вопроса о приведении их в исполнение.

Верховного Совета РФ от 24 июня 1992 г. № 3115-1): *“Если при рассмотрении заявления о выдаче исполнительного листа будет установлено, что решение не соответствует законодательству либо принято по неисследованным материалам, арбитражный суд возвращает дело на новое рассмотрение в третейский суд, принявший решение”* (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 30, ст. 1790; Собрание законодательства Российской Федерации, 1997, № 47, ст. 5341). В самом деле, если уподоблять третейское решение квазидоговорным обязательствам сторон, то несоответствие этих обязательств законодательству не может не влечь подобные последствия. Однако из этого правила в случае с решением международного коммерческого арбитража имеется очень важное исключение: такое решение, согласно статьям 34 и 36 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже”, может быть отменено или не приведено в исполнение не просто тогда, когда оно не соответствует законодательству России, но только тогда, когда это несоответствие выступает нарушением публичного порядка Российской Федерации.

¹¹ Московский журнал международного права, 2001, № 3. С. 72-74.

¹² Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик, 1988, № 26, ст. 427.

Рассмотрим вопрос об обязательности решений, вынесенных третейскими судами для разрешения экономических споров, действующими согласно указанному Временному положению 1992 г. (далее – третейские суды для экономических споров), более подробно. Дело в том, что тезис об отсутствии у решений таких третейских судов качества обязательности, сформулированный на основании анализа Временного положения 1992 г., может показаться излишне категоричным, поспешным или неправильным. В обоснование такого мнения могут указывать на следующее:

а) противоречие данного тезиса самой природе третейского разбирательства и третейского решения, поскольку стороны, договариваясь о третейском разбирательстве, принимают на себя не только обязательство соблюдать третейское соглашение и третейскую процедуру, но также и обязательство рассматривать себя связанными вынесенным третейским решением. В таких условиях молчание закона о наличии у решений третейских судов для экономических споров качества обязательности не может вести к выводу об отсутствии у них такого качества;

б) неизбежно вытекающие из данного тезиса нежелательные различия между правовым режимом решений международного коммерческого арбитража и правовым режимом решений третейских судов для экономических споров, не могущие быть оправданными ввиду принципиальной идентичности правовой природы первых и вторых;

в) невольное поощрение данным тезисом противников третейского разбирательства, стремящихся к “огосударствлению” сферы разрешения частноправовых споров, поскольку признание отсутствия обязательности у решений третейских судов для экономических споров может вести к признанию отсутствия обязательности у третейских соглашений и допущению возможности одностороннего неосновательного отказа от них, что не может не вести к росту недобросовестности в правовом обороте. Данная опасность тем более велика, если учитывать то, что в последнее время в системе государственных арбитражных судов нередко, к большому сожалению, открыто или завуалированным образом пытаются дискредитировать саму идею третейского разбирательства¹³, а нижестоящие суды при этом принимают подоб-

¹³ См., например, “Интервью с первым заместителем Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ, доктором юридических наук, профессором М.К. Юковым” (“Законодательство”, 2000, № 7. С. 4). Идея отсутствия обязательности у третейских согла-

ные заявления как руководство к действию и выносят незаконные решения¹⁴;

г) необоснованность данного тезиса ввиду того, что Временное положение 1992 г. и другие нормативные акты прямо не предусматривают отсутствие у решений третейских судов для экономических споров обязательности, а также ввиду того, что из части 1 статьи 24 Временного положения 1992 г. (*“Решение третейского суда исполняется добровольно в порядке и сроки, установленные в решении”*) не вытекает такое отсутствие у них обязательности, так как в этой норме имеется в виду иное, так как добровольное исполнение вытекает из самой природы третейского решения и поскольку указание на добровольность исполнения не может исключать наличия у решения обязательности, что подтверждается особым смыслом слова “добровольный” в нормах статей 356¹⁵ и 357¹⁶ ГПК РСФСР. В подтверждение этого возможна и ссылка на часть 2 статьи 24 Временного положения 1992 г. (*“Если*

шений и допущение возможности одностороннего неосновательного отказа от них прямыми и косвенными методами продвигается и другими работниками Высшего Арбитражного Суда РФ: *“Существует несколько точек зрения на проблему соотношения компетенции государственных и третейских судов. Согласно одной точке зрения третейские суды могут разрешать частные споры только при явно выраженном согласии обеих сторон. Если одна из сторон возражает против рассмотрения спора в третейском суде, несмотря на действительное третейское соглашение, третейский суд автоматически теряет компетенцию по рассмотрению спора”* (Нешатаева Т.Н., Старженецкий В.В. Третейские и государственные суды. Проблема прав на правосудие. – Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2000, № 10. С. 85). Подобные высказывания, опубликованные в издании Высшего Арбитражного Суда РФ, выглядят, по меньшей мере, странно: судьи сами допускают возможность отказа от принципа обязательности действительных соглашений только по желанию одной из участвующих в них сторон.

¹⁴ Суханов Е.А. Об одном решении арбитражного суда. – Третейский суд, 2000, № 5. С. 45-50; Решение Арбитражного суда Краснодарского края. – Третейский суд, 2000, № 5. С. 51-55; Виноградова Е.А. О судебной-арбитражной практике рассмотрения исков о расторжении соглашений о передаче споров на рассмотрение третейских судов. – Третейский суд, 2000, № 6. С. 12-14; Постановление Арбитражного суда Краснодарского края. – Третейский суд, 2000, № 6. С. 16-22. См. также Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 января 2001 г. по делу № Ф08-3989/2000 (Не опубликовано. Содержится в электронной базе данных “КонсультантАрбитраж:Северо-КавказскийОкруг”).

¹⁵ *“Судебный исполнитель, приступая к исполнению решения, посылает должнику предложение о добровольном исполнении решения в срок до пяти дней”.*

¹⁶ *“Принудительное исполнение решения суда производится по истечении срока для добровольного исполнения решения, предоставляемого должнику в соответствии со статьей 356 настоящего Кодекса”.*

в решении срок исполнения не установлен, оно подлежит немедленно исполнению”), содержащую слово “подлежит”.

Все только что указанные моменты действительно очень серьезны и не могут остаться без внимания, учитывая участвовавшие в последнее время попытки дискредитации третейского разбирательства, равно как и учитывая необходимость пояснения тех кратких соображений автора применительно к обязательности третейских решений, которые были высказаны им в предыдущей статье и которые могут быть неправильно поняты.

Прежде всего, невозможно не согласиться с тем, что третейское решение в принципе должно быть обязательным для лиц, в отношении которых оно вынесено: данные лица, договариваясь о третейском разбирательстве, действительно принимают на себя не только обязательство соблюдать третейское соглашение (в современном российском праве принцип соблюдения третейского соглашения прямо закреплен, к сожалению, только в статье 9 Положения о третейском суде – приложения № 3 к ГПК РСФСР 1964 г.: *«Граждане, заключившие договор о передаче спора на рассмотрение третейского суда, не вправе отказаться от него до истечения срока, предусмотренного третейской записью, кроме случаев, указанных в статье 6 настоящего положения»*) и третейскую процедуру, но также и недвусмысленное обязательство рассматривать себя связанными вынесенным третейским решением. Ввиду этого вызывает большое сожаление то, что об обязательности третейских решений во Временном положении 1992 г. ничего не сказано: это очень большой недостаток последнего. *De lege ferenda* в праве России должно, несомненно, присутствовать недвусмысленное правило об обязательности для сторон любых третейских решений. Следует приветствовать то, что в проекте федерального закона “О третейских судах в РФ”¹⁷, внесенном в Государственную Думу депутатами Буничем П.Г., Грачевым И.Д., Гонжаровым О.П., Похмелкиным В.В. и принятом в первом чтении Постановлением Думы от 13 февраля 1998 г. № 2190-П ГД¹⁸, данное правило нашло закрепление в статье 31: *“Решение третейского суда является окончательным и обязательным для сторон. Передавая дело на разрешение третейс-*

¹⁷ Хотя текст этого проекта на момент написания настоящей статьи (июль 2001 г.) и не опубликован, с ним можно ознакомиться в электронной справочной правовой системе “Гарант”.

¹⁸ Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 9, ст. 1076.

кого суда, стороны обязуются исполнить принятое им решение. Стороны и третейский суд прилагают все разумные усилия к тому, чтобы решение третейского суда было юридически исполнимым”.

Однако особенности отечественного правотворчества таковы, что очевидные вещи, которые, как казалось бы, должны быть обязательно зафиксированы в нормативном регулировании, в действительности такого закрепления не находят или же, более того, вместо них вводятся их антиподы.

Анализ ранее принятого и ныне действующего законодательства привел автора к выводу о том, что в случае с обязательностью решений третейских судов для экономических споров как раз и имеет место такой случай, направленный на отрицание очевидного принципа.

С вопросом об обязательности решений третейских судов для экономических споров во всем Временном положении 1992 г. прямо связана, как представляется, только статья 24 (*“Решение третейского суда исполняется добровольно в порядке и сроки, установленные в решении.*

Если в решении срок исполнения не установлен, оно подлежит немедленному исполнению”).

Прежде всего, было бы ошибочным рассматривать эту статью в отрыве от некоторых норм, которые на сегодняшний день уже не действуют. Дело в том, что статья 24 Временного положения 1992 г. на самом деле является не более чем повторением части 2 статьи 7 *“Право на обращение в третейский суд и к посреднику”* Закона РФ от 4 июля 1991 г. *“Об арбитражном суде”*¹⁹, которая устанавливала: *“По соглашению сторон возникший или могущий возникнуть экономический спор, подведомственный арбитражному суду, до принятия дела к производству арбитражным судом может быть передан на разрешение третейского суда.*

Решение третейского суда исполняется добровольно в установленный в решении срок.

В случае невыполнения ответчиком решения в установленный срок исполнение решения производится в порядке, установленном Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации.

Стороны также вправе принять меры к разрешению спора непосредственно сами либо через посредника, выбираемого ими по взаимному согласию” (Подчеркнуто мною. – М.А.).

¹⁹ Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР, 1991, № 30, ст. 1013. На сегодняшний день этот Закон уже не действует.

Однако часть 2 статьи 7 Закона РФ от 4 июля 1991 г. “Об арбитражном суде” была изложена в такой своей редакции Законом РФ от 24 июня 1992 г. № 3118-1 “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “Об арбитражном суде”²⁰, который, что немаловажно, был принят в один день с утверждением Временного положения о третейском суде для экономических споров.

Между тем первоначальная редакция статьи 7 Закона РФ от 4 июля 1991 г. “Об арбитражном суде” была следующей: *“По соглашению сторон уже возникший или могущий возникнуть экономический спор, подведомственный арбитражному суду, может быть передан на разрешение третейского суда.*

В случае уклонения одной из сторон от исполнения решения третейского суда другая сторона вправе обратиться в арбитражный суд с заявлением о подтверждении решения, принятого третейским судом. Арбитражный суд, установив наличие соглашения сторон о передаче спора в третейский суд, а также правильность выбора законодательства для разрешения спора, подтверждает решение третейского суда, которое после этого приобретает обязательную силу наравне с решением арбитражного суда.

Арбитражный суд воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств дела и не входит в обсуждение решения третейского суда по существу.

Стороны также вправе принять меры к разрешению спора непосредственно сами либо через посредника, выбираемого ими по взаимному согласию” (Подчеркнуто мною. – М.А.).

Как видно, изначально российское законодательство не рассматривало решения третейских судов для экономических споров как обязательные. Это легко объяснить: создатели государственных арбитражных судов были совсем не заинтересованы в создании параллельной внутринациональной системы разрешения коммерческих споров. Однако так как отрицать возможность передачи споров на третейское разбирательство после 1991 г. являлось невозможным, то был избран иной путь: допущение третейского разбирательства для экономических споров с одновременным отрицанием обязательности третейских решений и контроль над ними со стороны государственных арбитражных судов.

²⁰ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 34, ст. 1965.

Однако 24 июня 1992 г. такой жесткий подход был несколько смягчен посредством устранения указания на то, что решения третейских судов для экономических споров получают обязательность только после их подтверждения государственными арбитражными судами. Однако второй шаг не был сделан, и указание на обязательность таких решений в законодательстве России не появилось. Вместо этого в части 2 статьи 7 Закона РФ от 4 июля 1991 г. “Об арбитражном суде” и в статье 24 Временного положения 1992 г. были использованы неясные и двусмысленные формулировки²¹.

Однако каков все же истинный смысл правил статьи 24 Временного положения 1992 г. применительно к вопросу об обязательности решений третейских судов для экономических споров?

С одной стороны, в первой части этой статьи использовано слово “добровольно” (*“Решение третейского суда исполняется добровольно в порядке и сроки, установленные в решении”*). Исходя из подлинного смысла данного слова²², можно придти к выводу о том, что решение третейского суда не является обязательным. В самом деле, можно ли говорить, например, об обязательности какого-либо договора, если в законе по его поводу указывалось бы **исключительно на то, что такой договор исполняется добровольно? Именно поэтому статьи 309**

²¹ Впрочем, нельзя не отметить, что впервые о добровольности исполнения решений третейских судов и о выдаче приказа на их принудительное исполнение было упомянуто не в этом Законе и не во Временном положении 1992 г., а в статье 157 Арбитражного процессуального кодекса РФ, принятого 5 марта 1992 г.: *“Решение третейского суда исполняется добровольно в установленный в решении срок.*

В случае невыполнения ответчиком решения в установленный срок приказ на принудительное исполнение решения выдается Высшим арбитражным судом республики в составе Российской Федерации, краевым, областным, городским арбитражным судом, арбитражным судом автономной области, автономного округа, на территории которых находится третейский суд.

Заявление о выдаче приказа на принудительное исполнение решения третейского суда подается в Высший арбитражный суд республики в составе Российской Федерации, арбитражный суд края, области, города, арбитражный суд автономной области, автономного округа, на территории которых находится третейский суд, либо в постоянно действующий третейский суд, в котором хранится дело, для направления заявления вместе с делом в соответствующий арбитражный суд. ...” (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации, 1992, № 16, ст. 836).

²² *“Добровольный, произвольный, соизвольный, сделанный кем по своей воле, неприужденный, невынужденный, неизнудный; по свободе своей”* (Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Том первый “А-З”. – М.: Русский язык, 1989. С. 444).

и 310 ГК РФ используют иные формулировки: “Обязательства должны исполняться надлежащим образом ...”; “Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, за исключением случаев, предусмотренных законом”.

Правда, в ГК РФ слова “добровольно” и “добровольный” три раза используются в таком контексте, из которого вытекает, что добровольность совершения лицом действия не исключает наличия обязательства, связывающего это лицо применительно к таким действиям²³. Во всех остальных случаях эти слова означают именно отсутствие какой-либо обязательности²⁴. Представляется, что адекватным образом слова “добровольно” и “добровольный” употреблены именно в таких остальных случаях. Что же касается тех трех раз, когда они использова-

²³ “3. Если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или договором, при определении убытков принимаются во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно было быть исполнено, в день добровольного удовлетворения должником требования кредитора, а если требование добровольно удовлетворено не было, – в день предъявления иска. ...” (статья 393); “3. В случае предъявления требования о соразмерном уменьшении покупной цены товара в расчет принимается цена товара на момент предъявления требования об оценке, а если требование покупателя добровольно не удовлетворено, на момент вынесения судом решения о соразмерном уменьшении цены.

4. При возврате продавцу товара ненадлежащего качества покупатель вправе потребовать возмещения разницы между ценой товара, установленной договором розничной купли-продажи, и ценой соответствующего товара на момент добровольно удовлетворения его требования, а если требование добровольно не удовлетворено, на момент вынесения судом решения” (статья 504). Все подчеркивания в настоящей сноске осуществлены автором.

²⁴ В частности: “2. Юридическое лицо, являющееся коммерческой организацией, а также юридическое лицо, действующее в форме потребительского кооператива либо благотворительного или иного фонда, может совместно с кредиторами принять решение об объявлении о своем банкротстве и о добровольной ликвидации” (статья 65); “1. Акционерное общество может быть реорганизовано или ликвидировано добровольно по решению общего собрания акционеров. ...” (статья 104); “1. Фондом для целей настоящего Кодекса признается не являющаяся членства некоммерческая организация, учрежденная гражданами и (или) юридическими лицами на основе добровольных имущественных взносов, преследующая социальные, благотворительные, культурные, образовательные или иные общественно полезные цели. ...” (статья 118); “1. ... Понуждение к заключению договора не допускается, за исключением случаев, когда обязанность заключить договор предусмотрена настоящим Кодексом, законом или добровольно принятым обязательством” (статья 421); “2. Государственные займы являются добровольными” (статья 817). Статья 927 ГК РФ называется “Добровольное и обязательное страхование”. Все подчеркивания в настоящей сноске осуществлены автором.

ны только для противопоставления принудительности, то данный смысловой оттенок принципиальным не является в свете приведенных выше норм статей 309 и 310 ГК РФ, из которых ясно вытекает качество обязательности указанных в статье 393 и 504 ГК РФ действий.

Аналогичным образом дело обстоит и со смыслом слова “добровольный” в уже упоминавшихся нормах статей 356²⁵ и 357²⁶ ГПК РСФСР, где оно также использовано только для противопоставления принудительности. Как известно, в статье 13 ГПК РСФСР прямо говорится об обязательности судебных актов, ввиду чего такое использование рассматриваемого термина хотя и является недостаточно точным, но затруднений с пониманием истинного его смысла не создает.

Не вызывает затруднений с пониманием и слово “добровольно” применительно к исполнению арбитражных решений в пункте 1 статьи IV Московской конвенции о разрешении арбитражным путем гражданско-правовых споров, вытекающих из отношений экономического и научно-технического сотрудничества 1972 г. (впрочем, ее действие для России является на сегодня сомнительным), поскольку в этом же пункте говорится об обязательности таких решений, а в пункте 5 этой же статьи указывается на возможность их принудительного приведения в исполнение при отсутствии добровольного их исполнения (*«1. Решения арбитражных судов, указанных в пункте 1 статьи II, являются окончательными и обязательными. Они исполняются сторонами добровольно. ...»*).

5. Не исполненные в добровольном порядке решения арбитражных судов, указанных в статье II настоящей Конвенции, и мировые соглашения, и утвержденные этими судами, могут быть предъявлены к принудительному исполнению в течение двухлетнего срока. ...»).

Между тем в первой части статьи 24 Временного положения 1992 г. понятие “добровольно” использовано само по себе в условиях, когда об обязательности решений третейских судов для экономических споров больше нигде вообще не упоминается.

При этом представляется, что молчание по поводу обязательности таких решений является далеко неслучайным. Дело в том, что пункт 14

²⁵ “Судебный исполнитель, приступая к исполнению решения, посылает должнику предложение о добровольном исполнении решения в срок до пяти дней”.

²⁶ “Принудительное исполнение решения суда производится по истечении срока для добровольного исполнения решения, предоставляемого должнику в соответствии со статьей 356 настоящего Кодекса”.

Положения о третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями²⁷ (утвержденного Постановлением Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 30 декабря 1975 г. № 121), которое действовало до принятия Временного положения 1992 г., предусматривал: *“Решения третейского суда по хозяйственным спорам являются окончательными и обязательны к исполнению всеми государственными, кооперативными и иными общественными объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями в срок, установленный в решении”*. Представляется, что данное обстоятельство свидетельствует в пользу того, что указание на обязательность решений третейских судов для экономических споров не было включено во Временное положение 1992 г. намеренно с целью не допустить наличия у таких решений качества обязательности.

В пользу этого же свидетельствует и то, что Временное положение 1992 г. не предусматривает процедуру отмены третейских решений²⁸. Между тем Положение о третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями 1975 г. такую процедуру вводило своими пунктами 17 и 18. Иначе и не могло быть в условиях, когда пункт 14 данного Положения прямо говорил об обязательности третейских решений. Процедуру отмены решений международного коммерческого арбитража предусматривает и статья 34 Закона РФ “О международном коммерческом арбитраже”, что вполне естественно, учитывая указание в статье 35 этого Закона на обязательность такого решения.

Нельзя не вспомнить и Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 сентября 1997 г. № 2313/97, в котором прямо говорится: *“Обжалование решений третейского суда действующим законодательством не предусмотрено”*²⁹. Конечно же, обжалование третейского решения и его оспаривание (подача ходатайства о

²⁷ Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР, 1976, № 6. С. 3-6.

²⁸ Из этого же исходит и судебная практика. Так, Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа, рассмотрев вопрос о возможности такой отмены, в Постановлении от 3 июня 1999 г. по делу № Ф08-991/99 указал: *“... определение Арбитражного суда Ростовской области в части отмены решения третейского суда не соответствует закону”* (Не опубликовано. Содержится в электронной базе данных “КонсультантАрбитраж:Северо-КавказскийОкруг”).

²⁹ Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 1998, № 1.

его отмене) совсем не равнозначны³⁰, но тем не менее, данное указание Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ все же имеет значение в контексте рассматриваемой проблематики: если бы перед Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ был поставлен вопрос о возможности отмены решения третейского суда для экономических споров, то он, вероятнее всего, также указал бы на то, что отмена решений третейского суда действующим законодательством не предусмотрена. В таких условиях мнение о том, что данные решения являются обязательными, не может не вызывать сомнений: либо они обязательны и можно требовать их отмены, либо требовать их отмены нельзя, но тогда они не обязательны. В самом деле, разве является допустимой ситуация, в которой лицо, против которого вынесено решение, не имеет возможности просить суд о его отмене ввиду его незаконности, но при этом такое решение является для этого лица обязательным, а лицо, в пользу которого решение вынесено, продолжает утверждать о его обязательности, но намеренно не обращается в государственный арбитражный суд с заявлением о выдаче на него исполнительного листа?

Наконец, в пользу того, что во Временном положении 1992 г. действительно имелось в виду отсутствие у третейских решений качества обязательности, косвенно свидетельствует и следующее указание в

³⁰ Хотя в литературе иногда можно встретить ошибочное отождествление одного с другим: *“В отношении международных коммерческих арбитражей возможность обжалования (оспаривания) предусмотрена Законом о международном коммерческом арбитраже 1993 года”* (Нешатаева Т.Н., Старженецкий В.В. Третейские и государственные суды. Проблема прав на правосудие. – Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2000, № 10. С. 88). Как известно, третейские решения в силу своей правовой природы являются окончательными и их обжалование невозможно (Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Комментарий / Отв. ред. д.ю.н., профессор В.Ф. Яковлев. – М.: Юридическая литература, 1994. С. 234). Однако они могут быть оспорены и отменены на предусмотренных законом условиях, и именно в этом состоит гарантия защиты прав участников частнопроводимого оборота. В связи с этим вызывает недоумение то, что принципиальная невозможность обжалования третейских решений иногда характеризуется как ущемляющая право на правосудие: *“Однако на практике ввиду несовершенства российского законодательства о третейских судах права лица на правосудие серьезно ущемляются. Это происходит потому, что лицо не может эффективно обжаловать решение третейского суда. В отношении внутренних третейских судов процедуры обжалования ни Временным положением о третейском суде для разрешения экономических споров 1992 года, ни Положением о третейском суде 1964 года вообще не предусмотрено”* (Нешатаева Т.Н., Старженецкий В.В. Третейские и государственные суды. Проблема прав на правосудие. – Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2000, № 10. С. 88). Представляется, что такое мнение ошибочно.

Постановлении Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 24 мая 1994 г. № 15³¹: *“Кроме того, арбитражному суду при новом рассмотрении дела надлежит дать оценку тому обстоятельству, что Промкомбинат № 3 МОСПО в отзыве от 12.04.93 № 95 возражал против рассмотрения спора в третейском суде и в заседании третейского суда не участвовал”*. Таким указанием Высший арбитражный суд РФ еще в 1994 г. поставил под сомнение обязательность третейских соглашений, причем это случилось в условиях, когда по поводу такого их качества в законе имелось прямое указание. Весьма сомнительно, что применительно к третейским решениям, об обязательности которых в законе вообще ничего не говорится, мог бы использоваться иной подход, тем более принимая во внимание известную всем “гибкость” Высшего Арбитражного Суда РФ.

Именно по указанным выше причинам автор придерживается того мнения, что Временное положение 1992 г. намеренно не придает решениям третейского суда для экономических споров качество обязательности, хотя такой подход и расходится с правовой природой таких решений. Безусловно, что отказ от придания этим решениям такого качества является совсем необоснованным. Впрочем, делается это в российском праве не в первый раз: первоначальная редакция статьи 7 Закона РФ от 4 июля 1991 г. “Об арбитражном суде” уже отрицала обязательность третейских решений, и отрицала прямо.

Однако имеется еще и часть 2 статьи 24 Временного положения 1992 г. (*“Если в решении срок исполнения не установлен, оно подлежит немедленному исполнению”*): не указывает ли слово “подлежит”³² на обязательность решений третейских судов для экономических споров? Представляется, что хотя в данной норме действительно подразумевается необходимость, однако в свете части 1 статьи 24 Временного положения 1992 г. надлежит говорить не более чем о необходимости немедленного исполнения решения в условиях, когда сроки исполнения в нем не установлены, причем исполнения добровольного, но не в смысле противопоставления добровольности принудительности, а в смысле исполнения *“соизвольного, по своей воле, по свободе своей”*. Кроме того, часть 2 статьи 24 Временного положения 1992 г. не следует толковать в отрыве от действовавших в тот же период статьи 157 АПК РФ

³¹ Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации, 1994, № 9.

³² *“Подлежать чему, подвергаться, подчиняться, подпадать; надлежать, следовать, быть должну, надобну”* (Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Том третий “П”. – М.: Русский язык, 1989. С. 181).

1992 г. и части 2 статьи 7 Закона РФ от 4 июля 1991 г. “Об арбитражном суде” (уже приводились выше), в которых слово “подлежит” не встречается. Напротив, положения таких последних статей не содержат ничего, что говорило бы об обязательности решений третейских судов для экономических споров³³.

Можно было бы также сказать и о том, что качество исполнимости решения не совпадает с качеством его обязательности, что первое может предшествовать второму, что в части 2 статьи 24 Временного положения 1992 г. говорится как раз об исполнимости, а не обязательности третейского решения. Однако такое толкование представляется неправильным. Даже применительно к решениям государственных судов обретение ими качества принудительной исполнимости до момента получения качества обязательности является исключением из общего правила. Соответственно, не следует превращать это исключение в принцип для третейских решений: это означало бы, что такие решения не обязательны, но принудительно исполнимы. Невероятно, что именно это имелось в виду в части 2 статьи 24 Временного положения 1992 г. Однако вряд ли и то, что эта часть может пониматься как указывающая на обязательность решений третейского суда для экономических споров.

Возникает еще один вопрос: нельзя ли Положение о третейском суде для разрешения хозяйственных споров между объединениями, предприятиями, организациями и учреждениями (утвержденное Постановлением Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 30 декабря 1975 г. № 121), которое формально не было отменено, считать действующим и дополняющим Временное положение 1992 г. с тем, чтобы на основании его пункта 14 решения третейских судов для экономических споров можно было бы считать обладающими ка-

³³ Наконец, отметим, что автору не удалось обнаружить в практике российских государственных арбитражных судов ни одного случая, в котором бы нормы Временного положения 1992 г. толковались бы как указывающие на обязательность решений третейских судов. Напротив, они понимаются совсем иначе. Так, Федеральный арбитражный суд Поволжского округа в Постановлении от 21 сентября 2000 г. по делу № А 55-1190/2000-15 указал: “У ответчика не имелось оснований для зачета взаимных требований со ссылкой на ранее вынесенные решения Третейского суда, так как недостача не подтверждена материалами дела для прекращения обязательств зачетом. Кроме того, в установленном Законом порядке ответчик не получил исполнительные листы для принудительного исполнения решений Третейского суда” (Не опубликовано. Содержится в электронной базе данных “Консультант Арбитраж: Поволжский Округ”).

чеством обязательности? Представляется, что такой подход вряд ли возможен. Положение 1975 г. является подзаконным актом, тогда как Временное положение 1992 г. по своей силе равняется федеральному закону. Соответственно, если Временное положение 1992 г. тем или иным образом выражает отношение к вопросу об обязательности третейских решений, то позиция Положения 1975 г. иметь значения уже не может. Далее, Временное положение 1992 г. было принято в условиях, отличающихся от тех, в которых действовало Положение 1975 г., преследовало иные цели и по своему смыслу было направлено на обеспечение у государственных арбитражных судов “полноты компетенции и контроля” применительно к третейскому разбирательству. По этим причинам “стыковка” таких двух Положений является, с объективной точки зрения, в рассматриваемом плане невозможной.

Далее, может ли молчание Временного положения 1992 г. по поводу наличия у решения третейского суда для экономических споров качества обязательности в действительности вести к отсутствию у него такого качества в условиях, когда в силу самой природы третейского разбирательства стороны должны быть связаны вынесенным третейским решением? В самом деле, молчание закона по поводу очевидных юридических характеристик явления или лица не должно, по общему правилу, вести к выводу об отсутствии у такого явления или лица данных характеристик. Однако при этом все же следует учитывать то, каким образом закон хранит молчание, равно как и то, о каких характеристиках идет речь.

Что касается первого из таких моментов, то выше уже было показано, что отсутствие указания на обязательность решений третейского суда для экономических споров во Временном положении 1992 г. не является случайностью, а было допущено намеренно.

Что же касается второго момента, то не следует забывать, что речь идет о весьма серьезной юридической характеристике: обязательности для субъектов правового оборота принятого сторонними лицами юридического акта, а именно третейского решения. Применительно к последнему встают два вопроса. Во-первых, должны ли стороны считать себя со своей субъективной точки зрения связанными не только своим соглашением, но также и положениями другого акта, который, как они понимали, мог быть вынесен по требованию одной из них на основании такого соглашения, но содержание которого заранее им не могло быть известно? Во-вторых, должно ли объективное право все-

гда поддерживать мнение сторон о том, что в силу их первоначального соглашения они должны быть связаны появляющимися в последующем определенными правилами или актом? Здесь можно провести аналогию с институтом “автономии воли” в коллизионном праве и допущением возможности выбора сторонами применимого права: может ли считаться носящим обязательный характер подчинение сторонами своего правоотношения иностранному праву в условиях, когда закон суда прямо не признает возможность такого выбора? Стороны, безусловно, могут считать себя связанными определенными правилами, но должно ли такое их мнение быть поддержано объективным правом? На такой вопрос ответ не может быть всегда положительным.

Учитывая сказанное, следует все-таки придти к выводу о том, что молчание Временного положения 1992 г. по поводу наличия у решений третейских судов для экономических споров качества обязательности должно вести к отсутствию у них такого качества: это молчание не случайно, а речь идет об очень важной характеристике, применительно к которой не принимать во внимание позицию закона невозможно.

Соответственно, ввиду этого действительно возникает нежелательное различие между правовым режимом решений международного коммерческого арбитража и правовым режимом решений третейских судов для экономических споров. Безусловно, оно не является оправданным ввиду принципиальной идентичности правовой природы первых и вторых, однако благодаря Временному положению 1992 г. оно существует. Само собой разумеется, что данный недостаток должен быть устранен как можно скорее.

Кроме того, все сказанное выше отражает взгляд автора на проблему обязательности решений третейского суда для экономических споров только с теоретической точки зрения и не должно пониматься как призыв немедленно реализовывать на практике тезис о том, что Временное положение 1992 г. не наделяет указанные решения качеством обязательности. Напротив, на практике противоречие между позицией Временного положения 1992 г. и природой третейского решения надлежит пытаться разрешить в пользу последней, тем более что возможности и аргументы для этого существуют. Правда, не следует при этом забывать о данной позиции Временного положения 1992 г., равно как необходимо учитывать все вытекающие из нее возможные последствия³⁴. При таком практически ориентированном подходе позиция

³⁴ Московский журнал международного права, 2001, № 3. С. 75-78.

Временного положения 1992 г. будет выступать не более чем определенным риском, которому могут быть подвергнуты участники третейских разбирательств, но которого им, возможно, удастся избежать.

Что же касается того, что тезис об отсутствии у решений третейского суда для экономических споров качества обязательности по смыслу Временного положения 1992 г. может поощрять противников третейского разбирательства, стремящихся к “огосударствлению” сферы разрешения частноправовых споров, то такие опасения вряд ли основательны. Во-первых, такое поощрение имело бы место только тогда, когда предпринималась бы попытка оправдать подход Временного положения 1992 г. и признать его разумным и необходимым. Во-вторых, констатация отсутствия у решений третейского суда для экономических споров качества обязательности не может вести к признанию отсутствия обязательности у третейских соглашений и допущению возможности одностороннего неосновательного отказа от них: после заключения третейского соглашения стороны обязаны соблюдать его, равно как и на государственные суды законодательством возлагается обязанность исходить из факта наличия такого соглашения со всеми вытекающими отсюда процессуальными последствиями. Все попытки отдельных работников государственных арбитражных судов доказать обратное являются в чем-то “пробными шарами”, запускаемыми с целью выяснить мнение юридической общественности по данным вопросам с тем, чтобы в случае его индифферентности действительно попытаться фактически ликвидировать конкуренцию со стороны третейских судов. Однако в конечном итоге такие устремления не могут не быть обречены на неудачу.

Наконец, не следует придавать слишком большое значение тому обстоятельству, что Временное положение 1992 г. не наделяет качеством обязательности решения третейского суда для экономических споров, поскольку даже в таких условиях возможность добиться принудительного исполнения таких третейских решений существует. Статья 25 Временного положения 1992 г. предоставляет право лицу, в пользу которого вынесено решение третейского суда для экономических споров, обратиться в соответствующий арбитражный суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на такое решение, несмотря на то, что качеством обязательности это решение не наделяется. Безусловно, была бы более предпочтительной ситуация, в которой право указанного лица обратиться за исполнительным листом проис-

текало бы не только из особого указания на это со стороны закона, но также базировалось бы на обязательности третейского решения. Однако с точки зрения конечного результата система придания решениям третейских судов для экономических споров качества обязательности и исполнимости в России действует, так что ввиду этого можно отвлечься от выразившихся во Временном положении 1992 г. опасений государственных арбитражных судов по поводу конкуренции со стороны третейских судов.

Данный момент является значимым в другом плане: вопрос об обязательности решений третейского суда для экономических споров имеет большое значение для определения того момента, с которого лица, против которых эти решения вынесены, должны считаться несущими обязательства из этих решений, равно как и для определения того, когда начинают действовать последствия неисполнения таких обязательств. Кроме того, этот вопрос имеет значение для стимулирования скорейшего исполнения указанных решений, а также для создания условий, направленных на экономию процессуальной деятельности государственных судов. Именно поэтому придание решениям третейских судов для экономических споров качества обязательности является насущно необходимым. Далее, обязательность решений третейских судов для экономических споров также могла бы защищать лиц, против которых они вынесены, от любых обвинений в том, что такие лица совершили какие-либо действия (или воздержание от них) в условиях, когда они не были обязаны так поступать, что в российских условиях является немаловажным. Впрочем, в свете статьи 24 Временного положения 1992 г. невозможно утверждать о незаконности действий лиц, которые добросовестно и добровольно исполняют упомянутые решения.